

Дни летели быстро, и в одно мгновение столица погрузилась в глубокую осень.

Сегодня был праздник Чжунъюань, однако во дворце было строго запрещено проводить обряды и сжигать поминальные деньги. Тем не менее, укрывшись покровом ночи, Се Вейчжао, прихватив с собой бумажные деньги, украдкой пробрался к заброшенному дворцу на отшибе.

Подняв фонарь, Се Вейчжао подошел к дверям и с удивлением обнаружил, что заржавевший медный замок, висевший здесь долгие годы, приоткрыт. Оглядевшись, он не заметил ни единого огонька в этой угрюмой тьме; место здесь было настолько глухое, что сюда никто никогда не заходил. Дорожки заросли сорняками — сразу было видно, что нога человека здесь не ступала целую вечность.

— Неужели ветром распахнуло? — пробормотал Се Вейчжао.

Осенью на севере часто дули сильные ветры, так что это казалось вполне вероятным. Подумав о том, что он столько лет сжигал здесь бумажные деньги и ни разу не попался, он почувствовал себя спокойнее.

Войдя внутрь, он оказался в крошечной тьме. Сорняки, разросшиеся по всему дворцу, достигали человеческого колена; сухие и безжизненные, они напоминали само это опустевшее, увядающее здание. Се Вейчжао не стал осматриваться, а сразу поднял фонарь и, найдя более-менее свободное место, опустил бумажные деньги. Он присел на корточки в северо-западном углу, у окна боковой пристройки — подальше от входа, где его было труднее заметить.

Разложив листы, он поднял голову и увидел, что прямо под оконной рамой растет ряд неизвестных цветов, которые, подсвеченные пламенем свечи, выглядели удивительно живыми.

Се Вейчжао опустился на колени и принялся один за другим бросать листы в разгорающийся костер. Сердце его сжималось от горечи: от рода семьи Шэнь в живых остался лишь он один, вынужденный влачить жалкое существование.

— Отец... матушка... Вэйцин пришел навестить вас, — голос Се Вейчжао дрогнул от невыносимой печали.

Се Вейчжао — это имя дал ему Вдовствующая императрица, а при рождении его звали Шэнь Вэйцин. Он был сыном Шэнь Линьфэна, бывшего главы Секретариата. Его отец был честным и неподкупным человеком, который всю свою жизнь отдал на служение династии Цзин, но в итоге был обезглавлен на глазах у народа, а его семья — отправлена в изгнание.

Во время ссылки мать постоянно твердила ему, что отец невиновен, что он никак не мог сговориться с придворными и пытаться помочь князю Ань в мятеже. Но тогда он был слишком мал, чтобы узнать правду или хоть что-то предпринять.

Се Вейчжао неотрывно смотрел, как языки пламени лижут желтую бумагу. В его словах слышались вина и растерянность:

— Отец, матушка, Вэйцин никчем. У меня нет сил выяснить, что на самом деле связывало семью Шэнь с мятежом князя Ань. Прошло столько лет, свидетели почти все ушли из жизни, а оставшиеся улики были уничтожены. Я правда не знаю, что мне делать...

Он был всего лишь стражником. Все эти годы он пытался наводить справки, искать зацепки, но события тех лет давно стали тайной, покрытой мраком, и даже если ему удавалось найти крупицы истины, этого было недостаточно для доказательств.

Годы подавленных эмоций, наложившиеся на недавние потрясения, окончательно сломили его. Се Вейчжао рухнул на землю и зарыдал. Он ненавидел себя за свое бессилие — он был не в силах даже сопротивляться. Клеймо позора на его семье давило на него, словно гора, не давая вздохнуть даже во сне. Мысль о том, что его родные погибли безвинно, а он, выживший, ничего не может сделать, терзала его каждый день, став за долгие годы занозой в самом сердце.

Чжао Юйяо молча стоял в тени дворца, наблюдая сквозь разбитое окно за рыдающим человеком. Он узнал его, как только тот вошел. Изначально он хотел лишь проследить за ним, но никак не ожидал, что тот раскроет его собственный секрет.

Этот дворец был местом, где жила его покойная мать — простая дворцовая служанка, ухаживавшая за цветами. Она обладала редкой красотой, и однажды вечером, когда император был пьян, он заметил ее, призвал в покои, а после наградил титулом красавицы. У этой маленькой служанки не было ни связей, ни опоры, лишь лицо невиданной красоты. Император часто вызывал ее к себе, пока она не понесла, после чего ее пожаловали титулом цзеюй и выделили этот боковой дворец.

Поначалу она думала, что настали счастливые дни, но обладать красотой без способности защитить ее — это горе. Женщины в императорском дворце, завидуя ее внешности и опасаясь, что ребенок сделает ее серьезной соперницей, сжили ее со света. Лицо ее обезобразили, лишив единственного преимущества. Одинокая служанка без власти и покровителей была обречена. Император потерял к ней интерес и больше не переступал порог ее дворца. Озлобленная, с расшатанной психикой, она перестала заботиться о сыне, срывая на нем свою ярость.

С самого рождения Чжао Юйяо жил под одной крышей с безумной женщиной. В его жизни не было ни луча света. Дворец стоял в глуши, а слуги были подлыми тварями, привыкшими выслуживаться перед сильными и топтать слабых; им с матерью доставалось сполна. Наконец, когда Чжао Юйяо исполнилось семь лет, его мать не выдержала и бросилась в колодец. Его забрала на воспитание императрица — женщина щедрая, но близости между ними никогда не было.

Маленький Чжао Юйяо рано научился читать людей и терпеть. Он знал, что близость к императрице облегчит ему жизнь. Не желая, чтобы о него вытирали ноги, он пустил в ход все

средства, чтобы заручиться поддержкой императрицы и наследного принца. Только благодаря этому он стал единственным князем, оставшимся в столице после воцарения Сянь-ди.

Чжао Юйяо повертел на пальце нефритовую костяшку. Иногда его мать приходила в себя: тогда она напевала песни и ухаживала за цветами у окна. В такие моменты, когда цветы распускались, она становилась нежной и любящей. Это были редкие мгновения ясности, которые она дарила сыну.

В углу Се Вейчжао постепенно перестал плакать. Дождавшись, пока бумага догорит, он с почтением поклонился пепелищу.

— Отец, матушка, родные мои, Вэйцин не забудет вас. Я обязательно смою позор с семьи Шэнь,
— Се Вейчжао смотрел на серый пепел, и слабость в его глазах сменилась решимостью.

Подхватив фонарь, Се Вейчжао вышел из дворца, так и не заметив, что в этом заброшенном месте был кто-то еще.

— Шэнь Вэйцин? — Чжао Юйяо беззвучно произнес это имя.

Фамилия Шэнь? Редкая фамилия. С тех пор как десять лет назад случился мятеж князя Ань, семья Шэнь исчезла из придворной жизни. Десять лет назад он еще не достиг совершеннолетия, когда Сянь-ди, взойдя на трон, приказал казнить всех мятежных князей. Чжао Юйяо тогда не представлял для него угрозы, вел себя подчеркнуто безобидно и ни на что не претендовал, к тому же их обоих растила императрица, поэтому Сянь-ди его не тронул.

Тогда император устроил в правительстве настоящую чистку, убив множество людей под предлогом борьбы с мятежниками. О Шэнь Линьфэне Чжао Юйяо слышал: это был известный честный чиновник, до того прямолинейный, что осмеливался спорить с самим императором и постоянно подавал прошения, чем неоднократно вызывал гнев правителя.

Подумав об этом, Чжао Юйяо усмехнулся, его взгляд стал холодным:

— Брат мой, в искусстве управления подчиненными мне до тебя далеко.

Вернувшись во дворец Циньчжэн, евнух Сяо поспешно подал ему имбирный отвар:

— Ваше Высочество, глубокой осенью холодно, выпейте, чтобы согреться.

Чжао Юйяо взял чашу и бросил:

— Ты здесь больше не нужен, уходи.

— Слушаюсь.

Евнух Сяо покорно удалился, плотно прикрыв за собой дверь. Чжао Юйяо постучал тонкими пальцами по столу, и из тени мгновенно возник тайный страж.

— Хозяин, — Я Цзю опустился на колени.

— С делом о хищении средств на помощь пострадавшим ты справился хорошо. Сходи в Кабинет и получи награду.

Я Цзю следовал за ним давно, и Чжао Юйяо всегда был уверен в его способностях.

— Благодарю, хозяин.

— Хорошо. Теперь разузнай всё о деле семьи Шэнь, бывшего главы Секретариата, десятилетней давности. И узнай, как Шэнь Вэйцин стал Се Вейчжао и попал во дворец.

Чжао Юйяо откинулся на спинку стула. Перед глазами стоял образ человека, рыдающего на земле. Впервые он видел его таким. Се Вейчжао казался таким жалким. Когда он бывал в его постели, то тоже плакал, но лишь прикусывал губы, а в крайнем случае — вцеплялся в рукава его одежды, безмолвно проливая слезы. Но в глазах его всегда оставалось упорство. В такие моменты в Чжао Юйяо просыпалась жестокость, и он терзал его до тех пор, пока тот не терял сознание.

Чжао Юйяо не был распушенным человеком, но встреча с Се Вейчжао была для него как дождь в засуху или оазис в пустыне — он терял самообладание. К сожалению, удовольствие всегда было неполным: Се Вейчжао под ним лишь терпел, предпочитая добела закусить губы, нежели позволить себе хоть каплю нежности.

Теперь Чжао Юйяо понимал, откуда в нем эта непоколебимая гордость. Оказалось, он был единственным сыном Шэнь Линьфэна — старый педант и маленький педант, словно вылепленные из одного теста. Даже их верность государю была одинаково упрямой, что, по мнению Чжао Юйяо, было просто глупостью. В смутные времена нужны мудрые чиновники, а в мирное время их нужно уничтожать. Монархи любят послушных, а тех, кто слишком выделяется, трудно контролировать. Тем более такую важную должность, как глава Секретариата — Сянь-ди, конечно, не хотел, чтобы её занимал человек, постоянно ему перечасий.

— Се Вейчжао, ах, Се Вейчжао... — во взгляде Чжао Юйяо промелькнуло глубокое любопытство. Это был еще один способ взять его в свои руки.